

Содержание

Предисловие	6
-------------	---

Часть первая. События

<i>рождение</i>	
Марина Кочан. За порогом	11
<i>взросление</i>	
Даша Благова. Убийство в Новосельске	17
<i>профессия</i>	
Ислам Ханипаев. Меня зовут Ахмад	31
<i>свадьба</i>	
Екатерина Манойло. Лапша	49
<i>застолье</i>	
Егана Джаббарова. Тутовник смотрит вниз	57
<i>проводы</i>	
Илья Мамаев-Найлз. После нас тишина	67
<i>смерть</i>	
Антон Секисов. Тартар	77

Часть вторая. Явления

сон

Ольга Птицева. Рогатый 93

явь

Денис Осокин. Койыкъёс Лоси 107

зима

Дмитрий Захаров. Это за мной 127

лето

Ксения Буржская. Наташенька и огонь 135

ночь

Анна Шипилова. Йоль, Илья и Ариэль 141

день

Евгения Некрасова. Медведица и Последний день зверёв 155

Предисловие

Человеку нужно сначала родиться, а дальше с ним происходит череда важных *событий*, бесповоротно меняющих судьбу. Независимо от земли, где он появился на свет, и принятой там культуры, человек взрослеет через игру, учебу и общение, выбирает профессию, соблюдает традиции и ритуалы, ходит гостем или гостьей на свадьбы, прощается с близкими на похоронах, провожает друзей в далекие путешествия или на службу, принимает участие в радостных или печальных застольях сначала ребенком, потом подростком, а дальше взрослым. Человек узнает, что такое смерть и любовь, женится или выходит замуж. Когда в семье появляется на свет еще один человек, то он проходит тот же цикл. Наступает время, и человек умирает. И все повторяется вновь со следующими людьми. Аграрная экономика сменилась индустриальной, та перешла в цифровую, способы коммуникации и остальные технологии на наших глазах проделали немислимый прыжок в будущее, но за сотни лет ничто не сумело полностью разломать череду инициаций, свадеб, похорон, праздников — между рождением и смертью.

Кажется, над этими основными событиями у человека есть власть, он может постараться избежать почти любого из них, кроме рождения и смерти. Но он не способен управлять *явлениями*

природы. Те происходят помимо его воли, нашей воли. Сменяются сезоны, за ночью наступает день, сон заканчивается, и с нами случается явь.

Движение через все эти архетипические этапы в архетипических состояниях природы рифмует человека с персонажем сказки, а значит, любой и любая из нас не просто живет жизнь, а проходит путь героя или пути героини.

Мы попросили тринадцать современных авторов придумать тринадцать историй, каждая из которых рассказывает о человеке внутри одного определенного события или явления. Все приглашенные писатели русскоязычные, некоторые билингвы. Одни, подтверждая универсальность этапов и состояний в разных регионах, рассказали нам о традициях своих или знакомых культур: Егана Джаббарова — об укладе одного азербайджанского дома, Ислам Ханипаев — о мужской социализации в дагестанской деревне, Денис Осокин упоминает удмуртский и даже китайский фольклор, а Екатерина Манойло пишет о свадьбе на пересечении двух культур: казахской и русской. Ольга Птицева, Ксения Буржская и я написали тексты по мотивам русской народной культуры. Другие авторы работают с постсоветской реальностью: Илья Мамаев-Найлз — с армейской рутинной, Даша Благова — с подростковым взрослением через игру The Sims, Анна Шипилова — с сообществом московских толкинистов начала нулевых, Дмитрий Захаров показывает шофера, отбившегося от жадной и ежегодной сибирской зимы, Антон Секисов проходит по российской деревенской хтони. Марина Кочан пишет об универсальной начальной точке путешествия любого героя и героини — рождении.

Вся непрерывная цикличность основных событий и явлений, отображенная в сборнике, помогает нам, как и персонажам этих рассказов, выдержать самые сложные времена и не впасть в отчаяние, создает скелет, на который мы наращиваем свои жизни.

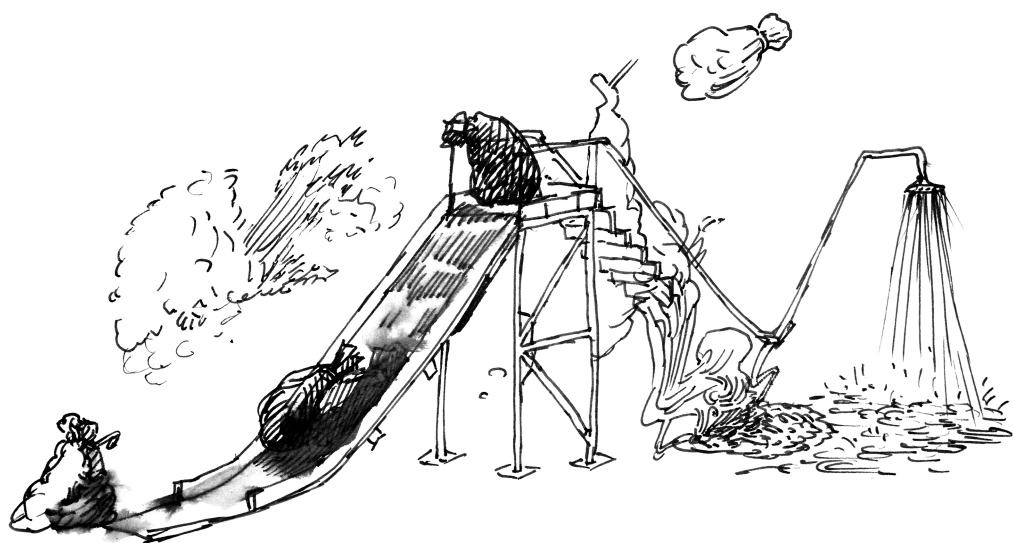
Эта антология — книга-объединение, книга-заземление, которая — как мы, подготовившая ее команда, надеемся — поможет читателям выдохнуть, почувствовать ступнями опору и идти дальше.

Евгения Некрасова, составительница сборника

Часть первая

События

Марина Кочан

За порогом

Человеку нужно сначала родиться. Человек рождается из воды, выныривает как рыба.

Мать в родах пугали и устрашали, холодной водой поливали да кричали, чтоб от крика и испуга быстрее вышел младенец на свет, волосы из кос расплетали, живот мяли-мяли, трясли, за ноги приподнимали ее, за руки подвешивали. Мать кричала-кричала, на колени вставала, пальцами кожу свою щипала до красных пятен, до белых пятен, в угол забивалась, дышала-дышала. В глазах темнело-чернело, как небо в окне.

Дочь была в темноте и родилась в нее, на севере темнота тоже скрывает жизнь. Дочь родилась не дочь, а богатырь, большая, и крепкая, и бесстрашная, вылезла, как из берлоги после крепкого сна, и заревела, но только однажды. Позже она берегла каждый звук. И мать сначала пугалась, потом удивлялась, но так бывает, что дети не плачут, — ты только смотрела внимательно и изучала меня, говорила она. Никакого звука громкого не боялась, испугу не поддавалась, сама не шумела и не кричала.

дочь была как
расстояние от локтя до кончиков пальцев

крупная дыня
укулеле
стебель подсолнуха
целый лосось

Руки ее сами складывались в кукиши — это она от сглаза, мать потом всем говорила. Она родилась из снега, из парного молока коров, которое мать носила домой в полторашках с работы. Матери молоко давали за вредность. Она родилась из мороза и хруста под пимами, из воздуха, охлаждающего ноздри, с пушком на спине, как зверек, с прозрачными ноготками, как птичка.

Хрупкое тельце дочери дали ей в руки, хрупкое, как
крыло бабочки
ваза на столе
лед на весенней реке
фарфор
елочный шарик
сушеные водоросли
маленькие ракушки
хрупкое, как сама жизнь

Дочь была беззащитна, как жук, перевернутый на спину, мать пеленала, качала, одевала, раздевала, купала, носила, пеленала, качала, одевала, раздевала, купала, носила. Перед сном у них совпадало дыхание, голову дочь клала матери на грудь и засыпала, мать водила пальцем по носу, по бровям, по ладошкам и локтям. Кожа дочери как лепесток, как светлый песок, как внутренности ракушки. Новая кожа, изначальная, как все новое в человеке. Все это ты, говорила она, все это ты, говорила она, так похожа на меня, и все же не я.

Рождение человека — череда бодрствования и сна, плотная пелена, тишина и приглушенный свет, плотный кокон для двоих.

Ей нельзя было отвлекаться ни на секунду, ни на миг.

Она смотрела ночью, смотрела днем, как легонько вздымается одеяло, расширяются маленькие ноздри, дергается во сне пальчик.

Она верила в магию своего присутствия, своего взгляда, быть здесь.

Рождение — это взгляд другого.

Родственники приходили на *кашу*. Трогали ручки, трогали ножки, за щеки щипали, вверх подбрасывали-поднимали. На ушко шептали: *мамина дочка, мамина дочка*. Рюмки опрокидывали на счастье, дарили зверей-купалочек, книги-пищалочки, а бабушка дарила серебряную ложку *на первый зубок* да маленький гребешок. Расти, коса, до пояса, не вырони ни волоса. Расти, коса, не путайся — дочка маму слушайся.

Когда дочь улыбнулась, нашла свои руки, стала удерживать голову, встала на четвереньки, выучила звуки, взяла рукой ее палец, тело их все еще было едино, руки и ноги держали друг друга, как прежде нить-пуповина, та нить все еще между ними незримо.

Позже мать дала ей поверить в волшебную силу, теплой ладонью дочки лечила спину. Вот так положи ее под меня, говорила она, когда дочь стала старше. Видишь, мне легче, спина уже не болит. Под материнской спиной было тепло и сверху давила тяжесть, дочь любила вот так держать руку, это ее успокаивало. Как колыбельная:

Руй-руй, бай-бай,
Золотая моя гора,
Каменная моя стена.
Ноги твои — два быстрых оленя,
Руки твои — как ветви высоких деревьев,
Глаза твои зоркие, как змеи.
Будешь шить золотыми нитями,
Будешь печь хлеб с золотою корочкой,
Будешь прыгать выше неба,
Видеть дальше горизонта,
Петь, как соловушка.

Красива, как голубушка.
Ты мое солнышко, как посередине неба самая яркая звездочка,
На руках моих лелеяна.
Ты, как быстрая река,
Как звонкая струна,
Самая большая радость.

Мать дивилась, что дочь ее говорит с домовыми, заигравшими кухонную вещицу. Так ей казалось, она верила в разные ее силы. Нож пропадал на кухне, и говорила:

попроси у них, пусть вернут, — и все возвращали. Дочь говорила и во сне, на каком-то своем языке. Тарабарский язык, точно ты не отсюда, дана мне свыше, мать говорила. На севере проще поверить в космос, он слишком близко. Она верила, что космос замешан в рождении дочери, что там кто-то знает о ней и видит, она другая, моя инопланетянка, говорила она, я тебя уже и не ждала, это чудо, что ты появилась на свет. Это случайность, ты — настоящее чудо, стоило этого ждать.

Мать варила дочери травы, собирала душистые охапки, ходила поздним летом по полям. Кипрей, зверобой, крапива, ромашка. Темный болотный настой, чуть сладковатый. Если северный ветер дул чуть сильнее и дочь хворала, ложку трав вливала ей в рот, как птенчику, и приговаривала: вот ты и здорова.

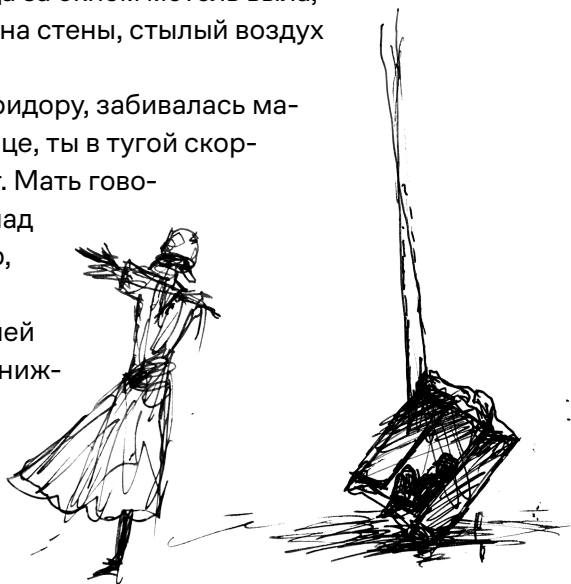
Однажды дочь заболела сильно, всю ночь потела, и пот был соленым, как рыбий бок, мать холодным ее обтирала, на руках качала, молитвы шептала, но становилось хуже. И тогда вызвала бабку соседку, бабка водила всю ночь руками над головой у дочки, мать задремала, и утром случилось чудо.

Сколько дней нужно так продержаться, чтобы однажды перестать волноваться, что смерть ходит слишком близко к рождению, понять, что все хрупкое однажды окрепнет.

Страхи пришли к дочери позже. Когда она нашла мысли в голове. Много было у дочери страхов, ночью тени ходили рядом, ночью старые окна скрипели, когда за окном метель выла, черные голые ветки бросали тени на стены, стылый воздух в щели струился.

Дочь бежала по темному коридору, забивалась матери под бок, и мать учила: ты в яйце, ты в тугой скорлупе, и никто в нем тебя не тронет. Мать говорила: когда-то все было водой. И над водой летела птица, искала гнездо, искала, где приземлиться, снесла та птица яйцо, и однажды из верхней части яйца было создано небо, из нижней — земля, из желтка — солнце, из белка — луна, из скорлупы — звезды. И появились люди.

И дочь представляла себя в яйце, а мать включала

медитации на телефоне. Вот они лежат рядом, и голос в комнате говорит: ваше тело — неподвижная устойчивая гора, ваше тело спокойное, река, ноги просто оставьте. Они смеются на этом моменте, она и дочь. А потом в тишине дочь говорит: я боюсь — у меня внутри темнота, я бы хотела, чтобы внутри у меня был свет, без него страшно, я бы хотела видеть то, что внутри меня, чтоб живот был прозрачным, может, свет попадет, когда я открываю рот. В темноте всегда тоже есть свет, отвечала ей мать. Звнящая морозная темнота. Всегда чуть розовая от снега и льда.

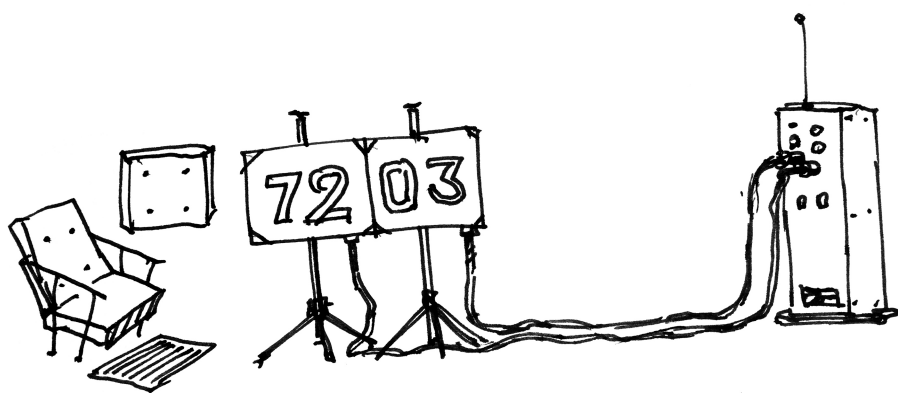
Все на севере живет недолго, здесь особенно ценно рождение, летом она любила каждое насекомое, сажала жужелиц себе на ладонь, смотрела, как пьет комар из ее пальца и как прозрачное пузо его наполняется алым. Ее удивляло маленькое, она была ближе к земле, к муравьям и траве. Она приседала на корточки, но все же держала мать за руку. Держи крепче, говорила она, еще крепче, еще, еще, моя рука выпадает. Меня нужно держать. И мать держала.

Одним летом пришел главный страх — ей было четыре — страх чужой смерти. Ты будешь всегда? — спросила тогда дочь у матери, и мать долго молчала. Я буду долго, сказала она. Но долго — это не навсегда. И я буду одна? Ты не будешь, ведь смысл в этом — в том, что есть вокруг нас, она посмотрела куда-то мимо. А смерть я видала однажды, она не страшная.

Когда ты родился, то тебя нет отдельно от материнского тела. Потом, словно лист, сорвавшийся с дерева, несешься быстрее прочь. Привыкнуть к свету даже сложнее, чем к тьме, дочь очень быстро привыкла к северной зиме. И шагнула она за порог, удлинилась нить.

Ничто не рождается в одиночестве, но все рождается в нем — так говорила мать. Рождаешься из тепла в холод и учишься сам себя согревать. Рождаешься и однажды обувашь пимы, накидываешь шубу-шапку-шарф и ступаешь впервые один за порог. Во тьму. Рушишь яичную скорлупу. Чертишь вокруг себя новый круг. Идешь по хрустящему снегу, по стылой земле, и каждый шаг отзывается эхом. Теперь это ты и это твое. И больше тебе не страшно.

Даша Благова

Убийство в Новосельске

В тесной южной панельке черный монитор выглядел чужеродно — как космический корабль, севший посреди глухой деревни. Безупречный глянцевый прямоугольник закрывал пятно плесени. Его острое ребро смотрело в фанерную изнанку шкафа, который делил убогую комнату пополам. Из сидушки шаткого стула торчали нитки и что-то ватное. Системный блок пританцовывал на бугристом ламинате, моргая лампочками, пока его внутренности раскручивались и пыхтели, чтобы запустить *The Sims 2* для Кристины.

Кристина нажимала на иконку Новосельска и смотрела на моргающие синие квадратики. Зрение Кристины слегка упало из-за мышечного напряжения, и офтальмолог советовал ей направлять глаза к горизонту хотя бы один раз в час, пока она учится или играет. Кристина никогда не отворачивалась от монитора и редко моргала. В наушниках прыгала веселая музыка. Кристина ждала, когда из пикселей сложится ее родной Новосельск.

Больше всего Кристина любила режим строительства и часто выбирала трехэтажный светлый дом с деревянным паркетом по улице Мастера. Она соединяла арками три помещения на втором этаже и начинала ремонт. Для своих комнат Кристина оставляла тот же паркет, а для стен выбирала штукатурку «Роза в пыли» или «Густой

цвет» — это ближе к фиолетовому. В эркер ставила диван «Манящая роскошь», над ореховым рабочим столом вешала гербарий. Обставив гостиную и читальный уголок, переходила к спальне и долго выбирала кровать — всегда двухспальную и с пологом.

И если бы мы могли приблизить свое лицо прямо к лицу Кристины, то на темно-буром фоне зрачков мы заметили бы прыгающие диванчики, кровати и мольбертики, а через пухлые наушники услышали бы бодрую синтетическую музыку для режима строительства.

Если бы мы отдалились от Кристины на пару шагов, вместо музыки остались бы только самые громкие биты, а нам пришлось бы смотреть в затылок Кристины и разглядывать густой спутанный пучок ее темных волос. Может быть, оценивать, насколько ровно она сидит и нет ли у нее сколиоза.

А если бы мы встали на пороге темной убогой комнаты, где никогда не делали ремонт, мы бы увидели, что за шкафом без дверцы, в голубом компьютерном свете, посреди ночи, в тишине и совершенно одна сидит костлявая и нескладная девочка-подросток, до которой никому нет дела.

Кристине не готовили завтраки. Когда она собиралась в школу, ее мама еще спала. На серой подушке — рыжая голова: припухшее родное лицо с безупречно гладким лбом и посиневшими бровями. Кристина подходила к маме и целовала ее на прощанье. Мама открывала глаза и улыбалась: ее раздутые губы расталкивали филлеры в скулах.

— Давай, козявка, пусть день будет нормальным, — говорила она.

Иногда Кристина уходила в школу голодной: будет ли дома еда, зависело от того, удастся ли маме что-нибудь, как она сама говорила, намутить. То там, то сям, объясняла мама источник своих заработков. Она умела делать все — печь, шить, пилить ногти, — но ничему не могла отдаться полностью. Ее увольняли, она уходила сама. Всегда искала какие-то темы. Финансовые пирамиды. И ходила к косметологу минимум раз в месяц.

Кристина считала маму прикольной и всегда все делала по-своему: она была в своей семье самой взрослой, и все это понимали. Семья — раз-два и обчелся. Папа звонил пару раз в год, из всего папы Кристина помнила только его строительские руки — сухие и коричневые, как ивовые ветви. Еще была тетя Света, она жила в курортной части Железноводска и работала в санатории, но иногда спускалась

к ним на маршрутке: подкармливала Кристину и гадала ей на Таро. Тетя Света сочувствовала Кристине, но со своей сестрой лишней раз не пересекалась. Если она узнавала, что мама дала Кристине пощечину или довела ее до истерики, то говорила так:

— Этот день пройдет, а мама у тебя одна.

Если бы можно было навести курсор и кликнуть на Кристину, маму или тетю Свету, чтобы узнать их совместимость по чертам характера, то оказалось бы, что никто из них не подходит друг другу.

Кристина носила широкие футболки, балахоны и старые джинсы. Никто не знал, что играет у нее в наушниках, — могли только догадываться. Кристина чернила глаза, в ушах носила настоящие булавки, на шее — чокер-пружинку. Кристина надеялась, никто не поймет, что это все из-за нищеты и что она хотела бы пойти на дискотеку, как и все, просто было не в чем.

Другие подростки в основном ничего не понимали. Какие-то учителя догадывались, некоторые были знакомы с ее мамой. Кристина хорошо училась и заняла второе место на краевой олимпиаде по русскому языку. Почти все считали ее самой умной в маленькой железнодорожной школе. Поэтому учителя ничего не говорили про булавки в ушах и мрачный макияж: кто-то должен был поддерживать рейтинг учебного заведения.

После уроков Кристина и ее подруга Юлия любили сидеть на турниках. К ним часто присоединялись одноклассники: кто-то доставал белые мятые пачки и закуривал. Потом все расходились, задерживались только Жорик и Дима — они тоже считались Кристиниными друзьями и знали кое-что о ее ситуации, хоть и меньше Юли.

Весной начали писать тестовые ОГЭ чуть ли не каждую неделю. Иногда Кристина оставалась в школе, чтобы объяснить задание кому-нибудь из друзей после проваленного пробника. В начале апреля установилась теплая, почти двадцатиградусная погода, и на турниках можно было сидеть часами. Все глядели на гору Бештау, думали о чем-то подростково-грустном, а если говорили, то про ОГЭ или про перспективы. У Юли были богатые родители и ум, она готовилась поступать в Москву. Дима весь год ходил в школу юного спасателя и собирался потом работать в МЧС в соседних Минводах. Жорику сказали выучиться на прокурора, и он вроде бы был не против. Остальные

хотели просто пережить ОГЭ и как-нибудь протянуть еще до конца одиннадцатого класса.

Дома Кристина что-нибудь ела и делала уроки, если было интересно. В девятом классе ее захватили химия и биология. Русский, алгебра, литра и геометрия казались слишком легкими.

Если бы мы могли открыть панель Кристины и заглянуть в ее навыки, мы бы удивились, обнаружив, что Логика, Техника, Обаяние и Творчество у нее прокачаны почти на максимум. В дополнении *The Sims 2: Университет* ей бы предложили огромную стипендию перед зачислением на факультет: по 750 симолеонов за каждый навык плюс 1000 симолеонов за успеваемость в школе. Итого 4000 симолеонов — Кристина смогла бы арендовать себе одной двухэтажный дом на все время обучения.

Одним апрельским вечером Кристина посмотрела на маму и увидела вместо ее лица уродливый помятый сквиш. Раздутая, вылепленная гримаса, которую хочется сжать пальцами. Кристина предполагала, что мама хочет выразить лицом сочувствие.

— Ну а что ты хочешь, козявка, — сказала мама. — Кому-то в жизни везет, но в основном все живут так же, как мы. Прости меня, что ли.

Кристина почувствовала, что ее злость на маму сгорает, как бумажная салфетка, и пепел от нее разлетается, смешиваясь с ветром. И правда, подумала Кристина, кому-то просто не везет, что тут поделать.

— Мам... а если я все-таки пойду в десятый, а вечером буду где-нибудь подрабатывать?

Мама начала раздуваться и розоветь. Встала.

— Где подрабатывать? Где? В твоем возрасте? На панели, что ли? Я все сказала!

Мама сдулась, села и заплакала, Кристина подошла и обняла ее, погладила по голове.

— Ну, колледж так колледж, — сказала она. — Хоть смогу тебе помогать, действительно.

Мама продолжала плакать и приговаривать, что она ужасная мать и что лучше бы Кристину родил кто-нибудь другой. Потом она взяла ладони Кристины и стала целовать их, как самую большую в мире драгоценность.

Кристина сидела на турнике рядом с Юлей, внизу стояли Дима и Жорик. Жорик курил тонкие сижки, Дима смотрел на гору. Все молчали. Юля тихо заплакала, и Кристина положила руку ей на плечи.

— Кристин, это же так, блин, несправедливо!

— Это и есть справедливость, Юль, — сказал Жорик и выдохнул дым. — Просто в нашем капиталистическом обществе она такая.

— Ебать, ты социалист! — вскрикнул Дима. — Кристинка у нас, блин, самая умная, а страдает только потому, что у матери фляга свистит!

— Эй! — Кристина разозлилась.

— Кристинка, прости, но это же так и есть!

— Да, — сказал Жорик и посмотрел в глаза Кристине. — Дима прав, твоя мама неадекват, и тебе пора все взять в свои руки.

Кристина хмурилась, злилась, не смотрела на друзей. Убрала руку с плеча Юли. Они молчали и ждали, когда Кристина что-нибудь ответит. С другой стороны, подумала Кристина, чего я злюсь — они же не хотят обидеть маму, просто пытаются как-то повлиять на ситуацию.

— Спасибо, конечно, но ничего тут не поделать, — сказала Кристина. — Так решила мама, вариантов нет.

— Варианты есть всегда, — ответила Юля. — Просто не все из них тебе нравятся.

Вечером мамы снова не было дома, и Кристина, поделав уроки, села за красивый глянцевый компьютер. Папа купил его за пару недель до того, как навсегда ушел. Кристина тогда удивилась: и чего это у нее, донашивающей вещи за чьими-то дочками, первой в подъезде появился компьютер? А потом поняла.

Кристина давно не играла в *The Sims 2* персонажами. Ей лень создавать новых, и она решает выбрать из каталога семей. Мама, папа и их дочь по фамилии Странник, все с рюкзаками за спиной и в разноцветных туристических очках. Приличный капитал — 60 000 симолеонов. В описании сказано, что Трент был «преуспевающим юристом», но решил «бросить работу и отправиться странствовать по свету вместе с семьей». Кристина покупает симам крепкий двухэтажный дом в Виртуальном проезде.

Желания папы Трента и мамы Триши совпадают: они мечтают устроить дочку Тину в частную школу. Кристина принимается за игру. Малышка Странник учится на одни пятерки, играет на фортепиано, рисует на мольберте, а мама прокачивает навык Кулинария и готовит

ей на ужин лобстера термидор. Папа становится именитым океанологом. Маленькая Тина приближается к пубертату и продает свои прекрасные картины за 700, а то и за 1000 симолеонов. У Странников хорошие отношения: они обнимаются, целуются по-семейному и вечерами пинают красно-белый мяч. В день рождения Тины мама готовит торт-мороженое «Аляска», приходят гости, а папа Трент включает музыкальный центр и зовет всех на твист. Все симы, старые и молодые, Мортимер Гот и сестры Гонгадзе, становятся каждый в свою клеточку, хлопают в ладоши, подпрыгивают и крутятся, прыг-скок-хлоп — с днем рождения, Тина! — прыг-скок-хлоп!

Кристина выселяет Странников из дома в Виртуальном проезде и отправляет обратно в банк семей. Думает о чем-то пару минут и затем удаляет Странников навсегда из своего компьютера.

Мама рыдала и размазывала по лицу жирную помаду, а Кристина пыталась напоить ее водой. Успокоившись, мама рассказала, что стремительно теряет зрение и потому должна лечь на операцию в офтальмологический центр. Кристине стало жалко маму, она плакала вместе с ней и наглаживала ее тугую круглую спину. Золота дома уже давно не осталось, в сторону Кристинино компьютера мама даже не смотрела, поэтому выставила на «Авито» плазменный телевизор, тоже купленный когда-то отцом. Кристина засомневалась, хватит ли этих денег.

— Хоть какая-то помощь, козявка, — сказала мама. — Что поделать, кому-то в жизни просто не везет.

Кристина помогла собрать вещи: тапочки, ложку, кружку, ночнушку, халат, компрессионные чулки, которые завезла тетя Света, зубную щетку и пасту, туалетную бумагу, влажные салфетки, полотенце. Купила в супермаркете полторашку воды, печенье, зеленые яблоки и кроссворды. Когда рано утром мама уехала на госпитализацию, квартиру будто выели ложкой. Мамин диван стоял собранным и выглядел словно чужак.

После школы Кристина принялась за уборку. Натолкала мусор в огромный растянутый пакет. Вымыла посуду, холодильник, все кухонные поверхности, попыталась вычистить рыжину из межплиточных швов. Разобрала хлам на подоконниках, поцарапала линолеум лияющим веником, протерла полы. Кристина уснула, не переодеваясь и не делая уроки. Усталость вытолкнула из ее тела тревогу за маму.

Утром Кристина первым делом написала маме. «Щас повезут в операционную. Не волнуйся. Люблю». Кристина просуществовала несколько уроков в серо-плоском подрагивающем мире. Затем позвонила мама и сонно сказала, что операция прошла удачно. Мир стал обычным. Кристина вернулась в умытую квартиру, похожую на собранную для гроба покойницу, и села играть.

Кристина заходит в Новосельск и выбирает семью Пикаско: молодая пара в камуфляжных штанах целуется на камеру. В описании сказано: «Мэтью и Джессика нашли друг друга!» Пикаско не слишком богаты, поэтому поселяются на Озерной улице в маленьком двухэтажном доме. И Мэтью, и Джессика уже трудоустроены — оба начинают карьеру в армии и пока служат как рядовые. Главное желание Джессики — завести ребенка. Мэтью хочет пофлиртовать с женой и купить холодильник.

Кристина играет половину дня, весь вечер и ночь, сидит до четырех утра, ее глаза жжет так, будто Кристина упала лицом в горячий песок, но она этого даже не замечает. Зачать ребенка получается с первого раза: симы целуются, прыгают под одеяло, кровать скачет, и в финале заблуренного секса играет короткая колыбельная. Джессика рвет, она носит ребенка, Мэтью ходит на работу, становится Сержантом, затем Младшим офицером. Рождается девочка, Кристина почему-то решает назвать ее Крис. Мэтью бросает службу, потому что для молодого отца это опасно, и переводится в спортивную карьеру — теперь он Игрок низшей лиги. Джессика развивается в творчестве и, пока спит ребенок, пишет роман. Сначала ей платят смешные гонорары, но, по мере того как растет ее симпатичная светловолосая дочь, совершенствуется и писательское мастерство: когда Крис идет в школу, Джессика уже получает многотысячные гонорары каждую неделю и пишет новые книги. Мэтью становится Лучшим игроком, Крис — отличницей. Младшей Пикаско нравится плавать и играть на фортепиано. У нее платиновое настроение и много друзей, Крис устраивает вечеринки просто так. Когда, разбогатев, Пикаско переезжают в трехэтажный дом на улице Мастера, Крис занимает три комнаты на втором этаже, которые Кристина обустраивала для себя в режиме строительства. Кристина смотрит на стены в цвете «Роза в пыли» и диван «Манящая роскошь», замечает жжение в глазах. Кристина часто моргает и нажимает пальцем большую серебристую кнопку на системном блоке.

Мама вернулась еще через день. Кристина пришла из школы и увидела на застиранной наволочке распухший кожаный шар, вся верхняя часть которого была обклеена пластырем. Посреди белых тканевых кусков — две красные виноградины. Мама проснулась, села и приоткрыла веки. Глазные яблоки оказались на месте — такие же белые, как раньше. Только участки кожи вокруг разбухли и вобрали в себя кровь.

— Блин, у тебя же блефаропластика, — Кристина почувствовала, как ребра выдавливают из легких воздух, а перед ней расплзается темный туман.

— Как ты можешь такое говорить! Ты неблагодарная! Я теряла зрение!

Кристина никак не могла поверить в то, что увидела. Мама сказала, что все было иначе, по-другому. Мама часто говорила, что все не так, как увидела Кристина, и от этого становилось легче. Вдруг и сейчас правда — мама теряла зрение? В этом не было ничего удивительного, им всегда не везло.

— Мам, но тебе как будто подрезали и зашили кожу вокруг глаз, — темный туман стал жиже, Кристина рассматривала маму. — Глаза-то сами целые.

— Это для зрения! Там нервы так расположены! — Мама выкрикнула это, выплевывая вой и слезы, и тогда Кристина поняла, что мама попала в капкан и сейчас начнет кусаться, а Кристина не ошиблась в выводах.

Кристина взяла телефон, рюкзак, накинула олимпийку из секонда и вышла на солнечную, теплую улицу, светящуюся и весеннюю, как Виртуальный проезд. Панельки, напоминавшие зубы курильщика, отпрыгивали от Кристины, и все лучше становилось видно горы: похожую на клык Медовую, высокую холодную Бештау, лесистую малышку Железную. Деревья трясли ветками, хвастаясь пухлыми белыми бутонами, трава заигрывала с ветром, возле подвального окна серые котята играли в догонялки. Кристина шла вверх по разбитой каскад-

ной лестнице. Потом, не доходя до Западного бьюета, повернула направо, в сторону поликлиники. После дорожного круга Кристина вошла в густой влажный лес: он отращивал новые сочные листья, был занят собой и своим пробуждением, совсем не замечая Кристину. А она все шла и шла вверх, пока не оказалась

в курортной части, затем на улице Мироненко, на разбитой лестнице, у санатория им. Кирова.

— Выйди, пожалуйста, — Кристина позвонила тете Свете и только тогда услышала, что рыдает.

Кристина ждала тетю у белого зубастого льва, которого как раз покрасили перед началом сезона. Она смотрела на равнодушную, высокую Бештау и медленно дышала. Когда вышла тетя Света, Кристина уже была в общем и целом в норме. Тетя Света не знала о блефаропластике и проговорила, что мама, видимо, снова набрала микрокредитов. Кристина что-то закричала тете, и та сделала шаг назад, ближе ко льву.

— Крестюш, у нас было такое тяжелое детство...

— Но почему ты с ней не поговоришь? Почему? Ты же сестра!

— Крестюш, ты же знаешь маму, она как скажет что-нибудь, с ней тяжело бывает...

— А мне что, бросать школу? Чтобы выплачивать микрокредиты?

— Ты не понимаешь, нам правда было очень тяжело в детстве...

— А мне легко?

Кристина пошла вниз, по разбитой лестнице, улице Мироненко, густому лесу, мимо кругового движения, поликлиники, Западного бюроета, каскадной лестницы. Вошла в панельки, не увидела котят, встала в своем дворе, посмотрела на желтые веселые окна вечерющего района. Пахло сладко и свежо, долгими майскими праздниками и поздними прогулками. Кристина вошла в подъезд и поднялась на свой этаж.

На кухне сидела несчастная, змееподобная мама. Голова опущена, на столе — выгнутый блистер с серебристыми чешуйками. Ноги-тумбочки с красными кружочками ногтей прилипли к потертому линолеуму.

— Что, больно?

— Ага...

Кристина поставила чайник на отмытую плиту, зажгла спичкой газ.

— Кушать хочешь?

— Да...

— А что тебе можно?

— Пюрешку бы, кашку...

— Хорошо, мам, сейчас что-нибудь сделаю.

Кристина поцеловала маму в немытую рыжую макушку,

сжала плечи. Мама схватила ладони Кристины и поднесла к своим губам. Причесать бы ее, подумала Кристина.

Когда мама поела, Кристина помогла ей почистить зубы и принять душ. Потом мама пошла спать, а Кристина села за шкаф без одной дверцы и включила желтую настольную лампу. Им задали сделать пробники по русскому, математике и биологии. Русский Кристина даже не открыла, математику решила на три четверти и, проверив, что не сделала ошибок, перешла к биологии — сразу к середине, там начиналось самое интересное. Пока Кристина вчитывалась в задания, ее компьютер жужжал и нагревался, запуская *The Sims 2*. Кому-то везет, кому-то нет, подумала Кристина. Жаль, что в жизни нельзя прописать motherlode.

Кристина создает семью. Четверо взрослых — три женщины и один мужчина. Их имена — Беглец, Трусиха, Лгунья и Дочь. Кристина не слишком заботится о чертах лица, макияже и одежде. Лгунью делает просто рыжей, Дочь — черноволосой и с жирной подводкой глаз. Фамилия — набор букв, Фывапро, полстроки от клавиатуры в названии никому не нужной семьи.

Их бюджет — минимальный для игры. Хватает на однокомнатную деревянную хижину в конце Дубовой улицы, еще остается около 8000 симолеонов на мебель. Кристина удаляет во дворе дерево и строит маленький бассейн. Внутри дома есть желтая печь и розовый холодильник. Кристина докупает душ и одну-единственную кровать. Для Дочери находит работу в сфере Наука, ее должность называется Подопытный кролик.

Кристина отправляет Беглеца плавать в бассейне и удаляет лестницу. Беглец ничего не замечает и продолжает наслаждаться теплой голубой водой.

Вокруг Лгуньи Кристина строит заборчик. Лгунья пытается пройти вперед, но упирается в ограждение. Лгунья смотрит как бы в камеру, прямо на Кристину, зовет ее на языке симлиш и размахивает руками.

С Трусихой пока не очень понятно, что делать.

Дочь ужинает бутербродами и ложится спать, индикаторы потребностей Беглеца и Лгуньи начинают желтеть. Трусиха пытается жить самостоятельно и пока держится, но Кристина отключает

свободу воли, и Трусиха замирает посреди комнаты — теперь она может действовать самостоятельно только в смертельной опасности.

Дочь просыпается, идет в туалет, принимает душ и завтракает. Лгунья вопит, панически уставившись в камеру. Под ней лужа, зато шкала мочевого пузыря зеленая. Трусиха хнычет и трет глаза. Ей удалось немного поспать на полу, предварительно сходяв в туалет. Лгунья спала в собственной моче. Беглец рыдает, зависнув в воде. Его шкала бодрости уже красная.

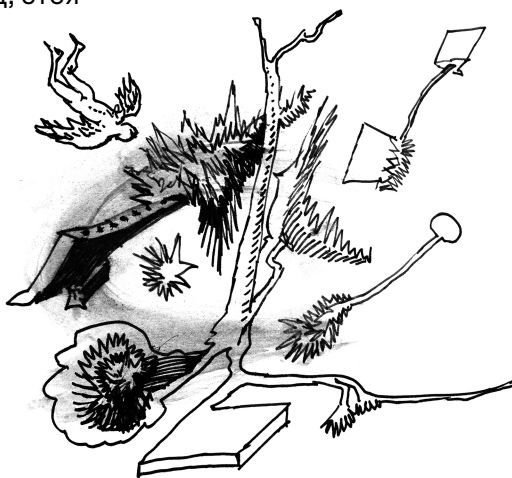
За Дочью приезжает старенькая служебная машина. В это время Беглец последний раз машет рукой, засыпает и идет ко дну. Машина с Дочью удаляется, на участок приходит черная полупрозрачная фигура в капюшоне с выпирающими костями и длинной острой косой. Смерть уводит за собой Беглеца. Трусиха и Лгунья рыдают, в облачке над их головами появляется Беглячье лицо. Возле бассейна вырастает маленькое надгробие.

Индикатор сытости у Лгуньи давно красный. В доме нет спальни, все пространство — одна большая комната, поэтому дочь готовит горячие бутерброды, и от красноватых поджаристых квадратиков идет пар. Трусиха, умирающая от голода, тянется за бутербродами, и Кристина не может ей запретить. Дочь садится за стол на виду у Лгуньи и съедает два бутерброда подряд. В доме один стул, поэтому Трусиха запихивает в себя бутерброд, стоя в углу.

Начинается град. Кристина отправляет Трусиху на улицу и удаляет входную дверь. Трусиха корчится на крыльце, изгибается и кричит от боли, пока на нее сыпятся белые пиксельные градины. За ней тоже приходит Смерть, и на крыльце остается маленькая урночка.

Лгунья орет не переставая, над ее головой загорается бордовая иконка с изображением куриного окорочка. Дочь не может лечь спать из-за криков и садится в кресло почитать книжку, чтобы подготовиться к работе.

Пока Дочь читает, за Лгуньей приходит Смерть — ей не мешают заборчики. В доме теперь тоже стоит маленькая урночка.

Кристина складывает надгробие и две урны в багаж семьи, возвращает входную дверь и убирает заборчик. Вытирает лужу после Лгуньи и на освободившееся место ставит музыкальный центр.

Дочь включает радио и начинает танцевать твистл. Дочь хлопает в ладоши, подпрыгивает и крутится: прыг-скок-хлоп — прощай, Беглец! — прыг-скок-хлоп — прощай, Трусиха! — прыг-скок-хлоп — прощай, Лгунья! — прыг-скок-хлоп!

К середине июня Кристина сдала почти все свои ОГЭ и пришла в школу на консультацию перед биологией. Девятиклассники уже узнали результаты первых двух экзаменов: в русском Кристина не сделала ни одной ошибки, математику написала чуть хуже, но все равно на отлично. После консультации Кристина пошла сидеть на турники вместе с Юлей — она тоже прилично написала ОГЭ, но не так, как Кристина.

— Ну, получается, что гений, — сказал Дима и дернул Кристину за ногу. — Иди хоть обниму.

Кристина спрыгнула к Диме, они крепко обнялись. Сверху навалилась Юля. Потом сразу Жорик.

— Фу, потушил бы хоть, — сказала Юля.

— Сорри.

Дима написал экзамены так-сяк, Жорик справился нормально. Они пообнимались еще немного и разомкнулись. Жорик докурил сижку и выстрелил ею в кусты.

— Я же говорю, девчонки умнее, — сказал Жорик. — Нет никакой социальной справедливости.

— Да я и без тебя знаю, прокурор, — ответил Дима.

К турникам подошла крепкая высокая учительница, затянутая в юбку-карандаш. Галина Анатольевна встала у темно-фиолетового куста поздней сирени и подозвала Кристину. Цветочный аромат втекал в Кристинины ноздри и оседал на коже. Жужжали насекомые. Кристина рассматривала маленькие упругие цветки.

— Кристиночка, решила подойти к тебе неофициально.

— Здравствуйте, Галина Анатольевна.

— Я очень, ну вот просто по-человечески, по-матерински хочу попросить, чтобы ты не забирала документы.

— Я не буду.

Галина Анатольевна посмотрела на Кристину, перебирающую пальцами сиреневые соцветия, на ее чокер-пружинку и заношенную черную футболку.

— То есть с мамой все решили?

— Ага.

— Мне не надо ей звонить?

— Не надо, у нас большая разница во времени.

— Не поняла, а мама где?

— На севере. Работает.

— А ты с кем?

Кристина продолжала копаться в темных ветках и ничего не отвечала.

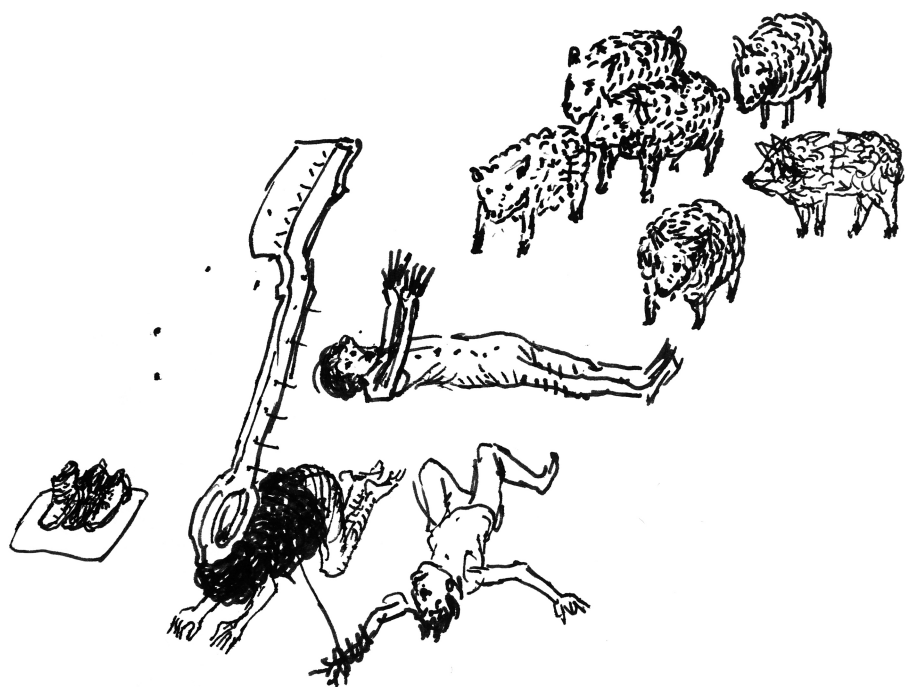
— Кристиночка, но ты понимаешь, что если заинтересуется опека...

Кристина потянулась к сиреневому кусту и вырвала из него крохотный цветок с пятью лепестками вместо четырех. Она посмотрела прямо в желтые глаза Галины Анатольевны.

— А вы сорвите.

Кристина поднесла сиреневый цветок к носу, поразглядывала, понюхала, положила в рот, прожевала и улыбнулась.

Ислам Ханипаев

Меня зовут Ахмад

Меня зовут Ахмад. Потому что моего отца зовут Ахмад. А вот его отца зовут не Ахмад, а Ахмед.

Так получилось, потому что дед родился в советские времена, а имена в те времена будто раздавались по ГОСТу. То есть с небольшой русификацией: не было ни Мухаммадов, ни Ахмадов, а были Магомеды и Ахмеды. К чему я об этом: просто дальше пойдет разговор о традициях, и нейминг в нашей семье тоже подчинен традиции, хоть иногда по тем или иным причинам на букву-две отклоняется.

Ладно.

Пример выше показывает, *насколько* моя семья готова отойти от традиций. Пример ниже покажет, *настолько* не готова. Мой дед был чабаном. И отец мой чабан. Дед был чабаном по принуждению. Точнее, не уверен, принуждали ли его, просто он им был примерно всегда, и работа эта была скорее про выживание семейства за счет рогатого скота. А отец мой работал чабаном осознанно, потому стал бизнесменом и, выгодно продав участок у главной дороги, превратил сорок бараньих голов в семь сотен. Нанял шесть сотрудников: от чабанов до мясников. Ахмед, который дед, — герой нашего села, потому что он помог многим во время землетрясения 1970 года. Отец — двигатель экономики села. А я...